
Встаёт внезапный день, и распрямляет спину,
И ты, вчерашний червь, сегодня просто бог,
"Земную жизнь пройдя почти наполовину",
Готовишься собрать в щепотку - соль, итог.
Ты озираешь хлам вчерашнего - обломки:
каркасы кораблей и остовы мостов,
И отрясаешь - там, на пепелища кромке,
Весь прах и всю пыльцу. Ты к странствию готов.
Тебя не испугать. Тебя не обездвигить.
Не погасить запал, не обломать крыло.
Ты помнишь, как ты жил, и помнишь, чем ты выжил.
Тебе не повезло. А может, повезло.
И ты готов шагнуть, да что там - прыгнуть в небо,
И список городов - как список новых жён.
" Любимый, не забудь купить вина и хлеба "
Ты снова не успел.
Сдавайся. Окружён.

Если я тебе дорог,
то собирайся - и час на сборы.
Впереди вся жизнь и немного смерти.
Если так история руки вертит,
Все равно остается сквозь морок -
Если я тебе дорог -
И дорога рогатиной под гортань
Встань,
собери то, с чем будешь жить
Вон оно, на полке тихо лежит.
Не буди,
Но прихвати.

Небоснежность. Каемка реки
Каменится и пенится. Томно.
Два подростка бредут. Рыбаки
Ловят рыбную ртуть, и бездомно
Утки спят на плаву, и шаги
Растворяются в шепоте улиц.
Мы так рано сегодня проснулись,
Что за день превратились в других.
И теперь привыкаем опять
Быть собой, и себе сознаваться,
Что любая возможность расстаться -
Это шанс не вращать, а летать.

Рассудок в это время суток роскошь,
Росу собрать бы, да запить бытье.
Свечу бы, да накапать в чашку воска,
Да погадать бы на твое-мое -
Куда уносит и куда заносит,
О чем молчит и как давно не спит,
Вот только - скрип уключин, всплески весел,

Вот только - лодка над водой парит,
Мерцает дно монетками ракушек,
Мерцает гладь монетками зеркал,
Рассудок дремлет, а рука послушно
Рисует бред, туман и абрис скал.

Бессонница, как безоконница.
Все цокает звонкая конница,
Все капает старенький кран,
Все ярче настенный экран
С показом - то ближнего-дальнего,
То нового-старого-давнего.
Все тише бредет караван -
Бряцают поводья забытые,
И сны тихо спят, как убитые,
И строки, шальные, немые,
скользят по-над городом. Днесь
Не даждь ми... а впрочем - кому ещё?
Все спят. Многоглавое тулище
Стозевно и лайй волнующей
Бессонницы кромку небес
Кровавит, но нежность предутренне
Разгладит и внешне и внутренне,
укроет раскол перламутрами,
И мысли (умой, приодень)
Уложатся флагами пленными,
Укроются светом, как стенами,
И станут простыми, смиренными.
Бессонница прячется в день.

Если ты мастер, твой мир односторонний и узкий,
Он приколот к твоей стене.
Все, что ты видишь, срастается плотной стеной
В той точке сборки, где ты несомненно мастер.

Ты этот мир читаешь в одной манере,
Слышишь в одном регистре, и монокраской
Кроешь, ведешь сквозь время к единой вере -
Ты не способен выбрать, пока ты мастер.

Недействительность

invalidность

Полвека век, полвека - вечность. Тает
Остаток века. Дергается веко,
угрюмый разум циферки считает,
калека.

Полжизни жизнь, полжизни вялый прочерк
до даты икс, порыв, хлопок - шутиха,
и чем-то белым вымаран подстрочник.

И тихо.

Полсна - не сон, болезнь. Вполглаза дрему
калека-сердце топчет ночью гулко.
Вся жизнь - как из гостей до дома
прогулка.

Из окна автобуса

Глыбится старое нежное здание:
Стены облезло сияют зелёным
Сквозь голубое. Вся улица - фоном.
Главное - это - что зелень окраины
Тополя рядом - вырастает в зеленку
Краски, кирпич прикрывавшей когда-то.
Щеки фасада немного помяты,
Корни фундамента - в масляной плёнке.
Гнезда балконов подперты руками
Древних кронштейнов. Крошатся пилястры.
Крыша угрюма, массивна, брыляста.
Город - как море, и небо как камень.